

ГРАНИН
ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ КАТАЛОГ»

В детских библиотеках нередко проводятся исторические часы, уроки памяти, которые посвящаются истории Отечества в целом, а также истории отдельных городов и малых селений и людям, которые прославили своей деятельностью то место, где они родились и выросли.

Большим интересом у читателей пользуются темы, посвященные родословным семей, семейным традициям, семейным памятным вещам и реликвиям.

На библиотечные занятия дети приносят предметы быта – старинные кружева, кляссеры с марками, кухонную утварь, с увлечением рассказывают о древней швейной машинке «Зингер», часах с кукушкой, о печке в деревенском доме, резной шкатулке.

С неподдельным интересом ребята относятся к документам и фотографиям. Они всматриваются в лица незнакомых им людей, бережно передают карточки из рук в руки, изучают документы прошлого.

Да, современной детворе не много досталось в наследство. Безжалостная история гоняла семьи по стране, разоряла, разъединяла. Люди были вынуждены уничтожать семейные архивы, вещи.

Остались крохи. В эпохальном масштабе они, скорее всего, не представляют исторической ценности, но сохраняют память об их владельцах, помогают прикоснуться к истории рода, своих семей.

Многие вещи, а с ними и слова их обозначающие, ушли в прошлое и теперь непонятны современным детям. Например, веретено, ручкойник, перышки для ручки, чернильница непроливайка, игра лапта, болоньевый плащ, примус и даже чулки.

Предметный, вещный мир часто оказывается в центре многих книг. Особенно это характерно для русской классической литературы.

Но в данном случае разговор пойдет о книге «Ленинградский каталог», написанной Даниилом Граниным специально для детей. Книга вышла в свет в 1986 году.

Фронтоник, инженер-энергетик, известный писатель и просто много проживший и видевший человек, он вспоминает свое ленинградское детство и атмосферу города тридцатых годов XX века. Это не сентиментальные вздохи, а грустная и светлая память детства.

Гранин считал важным:

«запечатлеть облик той реальности, потому что у нас, к сожалению, почти нет музеев истории нашего советского быта... и есть вещи, которые... туда невозможно поместить – например, треск березовых поленьев в печке», цокот копыт лошадей по булыжной мостовой, запахи коммунальной квартиры...

Быт, нравы Ленинграда, а значит, и многих городов того времени, картины города периода первой пятилетки, исчезнувшие из обихода вещи, забытые песни, язык тех лет, городские истории и легенды воскрешают лицо невольской столицы восьмидесятилетней давности на страницах книги «Ленинградский каталог».

Сегодня нам показались бы безобразными двери коммунальных квартир 30-х годов, говорит Гранин. Они были увешаны

«перечнем звонков – кому сколько: три, четыре, два коротких и один длинный и т.д. Несколько почтовых ящичков, на каждом наклеены заголовки газет и фамилия владельца».

Внутри коммуналок *«множество электросчетчиков, расписание уборки мест общего пользования, общий телефон в передней...».*

Во дворе - общие заботы: общая прачечная, заготовка посемейно дров на зиму. За порядком и чистотой следил дворник в фартуке с номерной бляхой на груди.

С одеждой было трудно, вспоминает Гранин:

«Вещи в ту пору носили подолгу... Они носились годами, десятилетиями... Жили экономно, к вещам относились бережно. Было это и от бедности, и оттого, что доставалось все большим трудом».

Самый опасный для семейных мужчин магазин модной женской одежды назывался «Смерть мужьям». К нему выстраивались очереди. Счастливым доставались креп-жоржетовые отрезы на платье, фильдеперсовые чулки.

Будничная одежда говорила о социальной и профессиональной принадлежности людей.

«Врачи... ходили с кожаными саквояжами. У инженеров были фуражки со значками... Легковые извозчики были в кафтанах. Парттысячники ходили в куртках из бобрлика или же в кожанках, брюках из чертовой кожи. Работницы – в красных кумачовых косынках, дамы – в шляпках... ».

По бульжным мостовым грохотали извозчики, тележечники, гремели барабаны и трубы пионерских отрядов, ехала конная милиция, на велосипедах – служащие. Автомобилей было мало, и они вызвали неизменный интерес.

«Улица была шумной, говорливой, пахучей, охочей до происшествий, готовой обсуждать, выяснять...», - улыбается писатель.

Газеты, тумбы, окна парикмахерских пестрели рекламой, объявлениями – зазывали, требовали, осуждали.

- *«Покупайте патентованные ветровые фонари «Летучая мышь».*
- *«Росконд принимает на работу энергичных лотошников и лотошниц».*
- *«Зав. булочной № 308 Егоров при продаже хлеба поплевывал на руки.*
- *«Егоров переведен в продавцы с объявлением выговора».*
- *«Для культурного убранства колхозов, сельсоветов, райсоветов, школ и т.п. имеются в продаже... барельефы Маркса, Энгельса, Ворошилова, Калинина».*

Общественная жизнь в то время очень занимала молодежь. Писатель вспоминает:

«... кружков в школе было множество... Мы ходили по улицам с плакатами МОПРа, собирая пожертвования в помощь политзаключенным в капстранах. Ставили спектакли, выпускали журналы, делали «Живгазету»...

Что нас более всего захватывало и привлекало, так это путешествия, полеты, экспедиции, эпопея челюскинцев, Чкалов, экспедиция Нобиле, полет Амудсена...».

У младших были свои заботы и игры – в лапту, орлянку, обруч, снегурки на валенках. Девочки играли в куклы – матерчатые и нарисованные на бумаге и снабженные богатейшим гардеробом. Целлулоидные куклы были дорогими и редкими.

Читали много: Купера, Майн-Рида, Верна, С.Григорьева, В.Маяковского, М. Светлова, огромными кусками цитировали Ильфа и Петрова.

Книг было мало, они ходили по рукам. В библиотеках – очереди. Давали не больше двух-трех книг.

Гранин пишет о словах, которые были характерны для того периода:

«Бытовали слова, которые сейчас не услышишь - очаг (детский сад), гопник (хулиган), лишенец (лишенный избирательных прав)..., жироприказ (квитанция на оплату за квартиру), заборная книжка (по которой давали продукты). Говорили «голкипер» вместо «вратарь», «аэроплан» вместо «самолет», «кинематограф» вместо «кино».

Старые фотографии и рисунки художника Владимира Васильковского дополняют зрительный ряд книги Гранина: здесь и белые ботинки на кнопках, патефон, диван с валиками и зеркалом, нож для разрезания книг, духовой утюг, ручная стиральная машинка, конторка, перевозка льда для холодильников, макет лагеря челюскинцев у Казанского собора, ситец «Коллективизация» (с тракторами на пашне).

С теплотой пишет писатель о тех, кто сумел в своем быту, своих домашних архивах сохранить дух, атмосферу прошлых лет.

«Я люблю дома, где сохраняют увесистые бархатные альбомы с семейными фотографиями. Люблю... старые сервизы, старые книги, которые читали предки... Дом нуждается в старых, пускай малонужных вещах, которые переходят к детям».

А если старое входит в противоречие с модой? Д. Гранин разъясняет:

«... это происходит из века в век. Модное, дорогое становится дешевым, теряет привлекательность, покрывается налетом пошлости. Со временем пошлость переходит в уродство. Оно растет и делается смешным. Затем Забавным... Удивительным... Любопытным... Романтичным... Дорогим... Иногда для этого нужны десятилетия, иногда века».

Что ж, «Ленинградский каталог» Гранина – это не словарь предметов ушедшей эпохи. Это память, это наша история, тихий рассказ о «ласковой прелести старины».